

Оглавление

Предисловие от автора	3
Пролог.....	5
Глава 1. Куст шиповника	12
Глава 2. Земля и розмарин.....	24
Глава 3. Tache Noir	38
Глава 4. Назови меня по имени.....	51
Глава 5. Поэзия сломанных костей	74
Глава 6. Сердцебиение мертвеца	92
Глава 7. Кровь и тимьян.....	105
Глава 8. Лиам, Лиам.....	123
Глава 9. Только смерть.....	146
Глава 10. Я стою перед тобой.....	163
Глава 11. Разбитая дорога, проигранная жизнь.....	182
Глава 12. Пропавший без вести	203
Глава 13. Прах к праху.....	225
Глава 14. В жизни твоей – свет мой	245
Глава 15. Плоть к плоти	269
Глава 16. До смерти, до крови.....	292
Глава 17. Последний октябрь.....	303
Эпилог.....	315

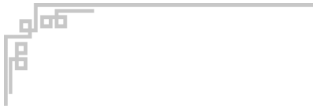

Предисловие от автора

Скорбь — одна из самых ярких человеческих эмоций, расцветающая непредсказуемым образом подобно полевой траве на могиле усопшего. Тяжелый аккомпанемент. Скользящая по пятам чернильно-черная тень. День и ночь, изменившие свой порядок и сакральный смысл. Чувство, почти незаметное, запрятанное настолько глубоко, что окружающие люди могут не догадаться, в какой шторм превращается душа скорбящего человека. Насколько сильно можно перестать ощущать реальность, отказываясь мириться с потерей? Где черта между приемлемым оплакиванием и поступками, граничащими с сумасшествием? Сколько времени нужно, чтобы отпустить умершего человека и смириться с его исчезновением из своей жизни? Что, если пустота, съедающая сердце, настолько всеобъемлюща, что ни один из общественно одобряемых вариантов прощания не сможет облегчить страдания? Что, если для того, чтобы получить шанс поговорить еще раз с близким человеком, нужно заплатить слишком дорогую цену? Разве это может остановить скорбящего? Когда отчаяние становится образом жизни и затмевает все остальные чувства, рушатся миры, границы и материи...

Эта история была настолько выстрадана и пережита, что заслуживает быть рассказанной, как ничто другое.

Playlist

Necromancer — Lannon

Stay with me — In Flames

Open your eyes — Aviators

Say my name — Within Temptation

All the pain — In Flames

Into the black — Aviators

I don't want to hurt you — Aviators

The truth beneath the rose — Within Temptation

Ashes — Aviators

Odyssey — The Rasmus

October Sunset — Aviators

Loneliness — Demon Hunter

Song of the Abyss — Aviators

Пролог

Вокруг было темно настолько, что казалось, про- странство могло поглотить все сущее, выпотрошить наизнанку и истереть материю в прах. По небу волна- ми низко неслись тяжелые тучи, в которых периодиче- ски грохотал гром. Блестели молнии, дотягивающиеся до земли и освещающие проселочную, размытую доро- гу и раскачивающиеся из стороны в сторону от сильно- го ветра желтеющие деревья.

Воздух был свежим и чистым, но ощущение, что это все- го лишь затишье перед бурей, становилось все сильнее. Словно вся природа чувствовала что-то зловещее и все- ми силами стремилась воспротивиться происходящему и предотвратить это. Она изливала свой бунтарский нрав в каждой капле дождя и неистовствовала в ка- ждом порыве холодного осеннего ветра, который бы- стро проносился над потемневшей землей, подхватывая желто-красные листья. Они легко подлетали в воздухе, описывая странные фигуры, сталкивались друг с дру- гом и снова ненадолго опускались вниз. Многие из них бессильно падали на землю, некоторые — продолжали свой бессмысленный путь в никуда, а некоторые, сде- лав несколько замысловатых пируэтов, пролетев еще немного из последних сил, врезались в обшарпанное каменное крыльцо с множеством мелких трещин, веду- щее в огромный, мрачный готический особняк высотой в четыре этажа.

Здание стояло чуть поодаль от дороги, но любой горожанин, въезжая в город, непременно проезжал мимо него. Его остроконечные башни и фасад со сложными узорами были хорошо известны в городе, но, к сожалению, не своей красотой, а тем, что десяток лет назад его владелец скончался и с тех пор особняк постепенно разрушался и зарастал плющом. За темными, замутненными окнами, покрытыми пылью, которые освещали только редкие всполохи молний, с замысловатыми рамовыми переплетами, казалось, уже давно не было света. Массивная дубовая дверь здания была чуть приоткрыта, но завлекала случайных прохожих скрывающейся за ней темнотой и тишиной.

На расстоянии в несколько сот метров от особняка не было ни души, и лишь одинокая повозка возле дома с впряженной в нее вороной лошадью намекала на то, что где-то поблизости все же должны быть люди. Лошадь иногда нервно дергала головой и косилась на выделяющийся в наступающей темноте дом, словно ожидала, что оттуда появится что-то невообразимое, но ничего не происходило, и она продолжала мокнуть под дождем, выдыхая пар из ноздрей. Она иногда рыла копытами землю и как будто бы пыталась отступить назад, но крепко держащая ее сбруя не позволяла ей этого сделать.

В какой-то момент снова блеснула молния, выхватив возле заднего колеса повозки небрежно прислоненную деревянную доску, потемневшую от дождя, с крестом на одной из сторон...

И если заблудшему путнику все же не посчастливилось бы заглянуть за тяжелую дверь, то у него бы пе-

рехватило дыхание от душного, затхлого, пыльного воздуха. И всего несколько минут хватило бы, чтобы распознать еще один странный, но пока еще едва уловимый запах. Высоко под потолком заброшенного особняка мрачно высились люстры с огарками свечей, на полу в беспорядке лежала разбросанная поломанная, опутанная паутиной мебель, на практически черных стенах, цвет обоев которых уже был неразличим, висели потемневшие портреты давно умерших людей.

Если бы случайный гость поднялся по деревянным скрипучим лестницам с резными перилами, прошелся по длинным коридорам на верхние этажи, то он попал бы в еще более пыльные и темные комнаты с почерневшими от грязи диванами и постельным бельем, небрежно разбросанным на кроватях.

Казалось, ничто не нарушало гнетущей тишины покинутого всеми особняка. Однако стоило лишь немного напрячь слух, как становились различимы всхлипы, раздающиеся откуда-то из глубин первого этажа, в хаотичной обстановке которого было что-то странное и явно не принадлежащее этому дому. В углу комнаты, на огромном столе, помимо стоявшего на нем подсвечника, тремя свечами слабо освещавшего комнату, россыпью лежали склянки от лекарств: некоторые были пусты, в некоторых можно было разглядеть растворы различных оттенков. Рядом с ними кем-то были брошены скальпели, грязный от земли жгут и ворох кровавых бинтов. Возле стола на полу лежал моток длинных, спутанных тонких проводов.

Просторная гостиная, некогда отличавшаяся дорогим убранством, вела к широкому, стены которого были об-

шиты деревом ценной породы, коридору, разветвлявшемуся на обе стороны здания. Если бы в особняке было чуть светлее, то на стенах и косяках можно было бы разглядеть отпечатки чьих-то грязных рук, словно кто-то пытался опереться и не дать себе упасть. В левое крыло особняка прямо от входной двери тянулись дорожки смазанных мокрых следов ботинок и чего-то еще, что тащили по полу.

По мере приближения к самой большой комнате на первом этаже в этой части здания стенания и мольбы становились все отчетливее и громче. Свет от многочисленных свечей, которыми было заставлено все пространство, делали ее чуть более живой, но это не скрашивало того ужаса, что творился прямо посреди нее.

На длинном столе, выдвинутом в спешке в середину комнаты, лежал труп молодого человека, которому на вид было чуть больше двадцати. На нем были черные брюки, перепачканные в земле, белая рубашка, местами намертво прилипшая к телу, пропитавшаяся темно-бордовыми пятнами крови, рукава которой были закатаны по локоть, и черный жилет.

С момента смерти прошло не так много времени, и в нем еще можно было рассмотреть следы былой красоты. На его все быстрее бледневшей с каждым часом коже лица появились маленькие фиолетовые волдыри возле носа и губ, пока еще едва заметные на фоне множества сине-красных и голубоватых кровоподтеков, особенно сильно проявляющихся в области скул, подбородка и на выступающих из-под воротника рубашки ключицах. На одной из бледно-синих кистей почти полностью отсутствовала кожа, словно ее кто-то снял как перчатку.

Посиневшие губы покрылись корками, а из разбитой нижней губы медленно сочилась темно-красная кровь.

Голова человека была наклонена на левую сторону. От левого уголка губ до самой шеи тянулись следы бледно-розовой жидкости, которая протекла до рубашки, намочив ее. Длинная челка, выстриженная клином, небрежно скрывала один из закрытых глаз с заметными фиолетово-зелеными синяками под ними. Вокруг локтя одной из его рук были прикреплены два электрода, а кожа вокруг места, где они крепились, почернела и сморщилась.

Провода от электродов вели вниз, под стол, где стоял генератор для выработки электричества с беспорядочно валявшимися вокруг него пустыми стеклянными пробирками. В комнате, по кругу которой вдоль стен стояли огромные, до самого потолка, шкафы, полностью забитые уже никому не нужными книгами, сгущался ощутимый запах разложения и крови.

Возле стола, уткнувшись носом в плечо скончавшегося, сотрясаясь в рыданиях, стоял молодой человек в белой рубашке и черных брюках, также испачканный землей и кровью. Дорожки слез не успевали высыхать на красивом лице, искаженном скорбью и болью. Его правая кровоточащая ладонь, пальцами которой он вцепился в руку усопшего, была наспех перебинтована. Всхлипы молодого человека то стихали, то снова превращались практически в нечеловеческий вой. Иногда он изо всех сил сжимал зубы и даже прикусывал ткань рубашки скончавшегося, но через пару секунд бледные губы снова открывались в немом крике, который практически тут же превращался в отчаянные стенания.

Через какое-то время он чуть успокоился и нашел в себе силы снова посмотреть на лицо человека, лежащего перед ним. Теплая, живая рука прикоснулась к черным волосам и стала заботливо поглаживать труп по голове. Карие глаза, на которые периодически падали каштановые волосы, зажмурились, а губы изогнулись в очередных рыданиях. Человек, захлебнувшись от стога, коснулся своим лбом лба усопшего, крепче сжав теплой ладонью мертвенно-холодную руку.

— Все... все закончилось... — еле слышно прошептал он, почти касаясь губами щеки трупа.

Молодой человек с трудом выпрямился, не отрывая взгляда от скончавшегося, и сомкнул свои пальцы на пальцах руки человека, чья смерть отняла жизнь у него самого. Дыхание его стало ровным и более спокойным, но вид его был измученным и усталым. Сонные и опухшие от слез глаза закрывались.

Скорбящий пошатнулся и острым носом туфли случайно отпихнул одну из брошенных на пол склянок. Он слепо устоялся в пол, чуть покачиваясь. Мысли нелепо плескались в голове, как несколько часов назад плескался соляной раствор вперемешку с несколькими другими лекарствами, который он пытался влить в рот своему умершему другу и который упрямо проливался на стол и белую рубашку.

Воспаленное сознание отказывалось принимать реальность, в которой молодой человек оказался, и искало любой, даже самый безумный способ все исправить и вернуть на свои места. В памяти промелькнули чьи-то похороны в солнечном свете яркого дня, на которых он что-то кричал, а чьи-то сильные руки куда-то его тащи-

ли. Кто-то успокаивал его, говорил какие-то слова утешения и соболезнования. Кто-то звал его по имени... А он сам называл совсем другое имя... Снова и снова...

Шатен помотал головой из стороны в сторону, закрыв глаза и пытаясь прогнать наваждение, и впервые за долгое время он, глубоко вдохнув, ощутил запах... Пустой желудок, который не знал еды уже почти четыре дня, сжался и попытался вытолкнуть свое скудное содержимое наружу. Молодой человек, подавляя рвотный позыв, зажал себе рот рукой. Карие глаза наконец распахнулись, и тяжесть всего сотворенного за этот вечер и долгую ночь обрушилась на него всем своим весом. Глаза снова наполнялись слезами, пока легкие против его воли вдыхали смесь гниения и пыли. Через несколько мгновений взяв себя в руки, шатен снова приблизился к трупу и прошептал:

— Все закончилось. Все закончилось, Лиам...

Глава 1

Крест шиповника

17 октября 1824 г.
Кентербери, Кент

Возле большого, скрытого в тени раскинувшихся дубов деревянного амбара, ворота которого были распахнуты, стоял до смерти испуганный паренек в синем комбинезоне на широких лямках и бледно-голубой рубашке. Его тонкие руки дрожали, но совсем не от осеннего прохладного воздуха. Он переминался с ноги на ногу, не решаясь зайти внутрь. Периодически парень посматривал на дорогу, где стояла повозка, запряженная его любимой вороной лошадью по кличке Эстер. Лошадь смотрела на своего хозяина и словно спрашивала, что они здесь делают. Юноша иногда хмурился, как будто бы борясь с желанием броситься наутек и уехать отсюда, но что-то удерживало его от этого поступка. Когда где-то в амбаре что-то с грохотом упало, парень вздрогнул, и светлая челка упала ему на глаза. Он с опасением снова заглянул внутрь сельскохозяйственной постройки.

— Дядя? — нерешительно позвал он кого-то, где-то в глубине души желая, чтобы на его зов никто не откликнулся. — Дядя, пойдем домой. Все ждут тебя.

— Конечно, мы пойдем домой, Сэм, но чуть позже, — раздался мужской голос. — Мне просто нужно найти лопаты побольше!

— Дядя, нет! Как ты можешь... Это же неправильно! Ты же шутишь? Скажи мне, что ты шутишь?

— О чем ты? — На пороге амбара с двумя лопатами в руках появился высокий, статный молодой человек с острыми скулами и совершенно безумным взглядом карих глаз. Его каштановые волосы, обычно аккуратно уложенные, были взлохмачены. Верхние пуговицы белой рубашки, на которую он сразу натянул легкое пальто, где-то оставив свой пиджак, были расстегнуты.

— Про кладбище, — умоляющим голосом начал юноша. — Ты говорил про кладбище, когда мы ехали сюда. Что ты имел в виду? Ты же не всерьез про Лиама?

— Что значит «не всерьез»? — возмущенно посмотрел на своего племянника молодой человек и снова скрылся в амбаре. — Конечно, я серьезно!

Когда он снова появился перед юношей, в руках у него, помимо двух лопат, был гвоздодер.

— А это для чего? — с ужасом спросил паренек.

Молодой мужчина не ответил и только улыбнулся по известной лишь ему одному причине.

— Дядя, поедem домой. Ты устал... — Подросток вцепился в рукав человека, задумавшего неладное.

— Ты совсем меня не слышишь, Сэм, — раздраженно произнес он, закидывая лопаты в повозку. — Чем быстрее мы все сделаем, тем быстрее вернемся домой.

— Но зачем нам вообще это все делать? — Казалось, что юноша вот-вот разрыдается.

Был уже поздний вечер, и значительно похолодало. В этот день из-за клубящихся на небе тяжелых туч темнело слишком быстро. Откуда-то издалека донеслись приглушенные раскаты грома, и это привлекло внимание шатена. Он на несколько секунд, задрвав голову, уставился в стремительно меняющееся небо.

— Видишь, и погода портится...

— Верно, — согласился молодой человек. — Поэтому нужно поторапливаться. Садись в повозку, Сэм. — Он ловко забрался на место кучера и схватил вожжи. — Ну же! — Металл в голосе прорезал тишину, воцарившуюся перед надвигающейся бурей.

Подросток, поджав губы, покорно сел рядом со своим дядей, не сводя с него взгляда. Поводья опустились на спину лошади, и она, так же как и ее хозяин, смирилась с требованиями сумасшедшего. И все же для Эстер эта поездка была более приятной. Мягко покотившаяся вперед по пыльной дороге повозка оставила позади амбар с растерянными распахнутыми воротами, величественный дом хозяина амбара, владелец которого уже никогда не вернется туда, проехала еще несколько двух- и трехэтажных соседских особняков, окруженных резными, местами сплошняком заросшими плющом оградками, и теперь катила по проселочной дороге с расту-

щими вдоль нее высокими дубами и раскинувшимися кустами акации.

Они миновали дом с широким крыльцом и двумя колоннами, из которого некоторое время назад в состоянии, граничащем с потерей реальности, вышел Эдвард Сиэл, один из лучших молодых ученых Великобритании, не раз признанный настоящим «светилом науки девятнадцатого века». В свои двадцать четыре года он уже читал курс лекций в Оксфорде и целом ряде высших учебных заведений Лондона по судебной анатомии человека и гальвинизму, ставшему такой популярной дисциплиной в научном сообществе.

У него в руках был большой темно-бордовый чемодан, который еле закрывался из-за переполняющих его вещей, из которого торчали хирургические щипцы и медицинские бинты. Молодой человек с растерянным видом некоторое время постоял возле летней беседки, расположенной перед особняком, глянул на окна, чтобы убедиться, что никто не видел, что он ушел из дома, а затем решительно вышел за ворота на проселочную дорогу, пустынную в этот момент. Никого из соседей не было, кто мог бы его подвезти, и Эдвард пошел пешком вниз по улице, иногда цепляя носками туфель дорожную пыль.

Погрузившись в свои мысли, Сиэл мог еще долго так идти, уже почти забыв, куда и зачем он направился, но тут он поравнялся с домом, где раньше жил Лиам. Молодой человек остановился, замерев и опустив голову. Казалось, мелкие камни на часто размываемой дождем дороге занимают его больше всего на свете в этот момент. Наконец Эдвард повернулся и посмо-

трел на здание. Это был трехэтажный особняк из белого кирпича, выстроенный предками Морриса несколько десятков лет назад. На верхних этажах дома было несколько небольших балкончиков с резными перилами, обвитых вьюнками. Все окна были занавешены бежевыми шторами, и некоторое время Сиэл ждал, когда где-нибудь занавески отодвинутся, став символом того, что дом все еще обитаем.

Но ничего не происходило.

Его взгляд опустился на массивную входную дверь с акkuratным дверным колоколом, застывшим навсегда. Отец Лиам должен был добраться из Соединенных Штатов еще только через несколько дней, и дом, погруженный в скорбь, стоял абсолютно пустой. Но в этот момент Эдварда посетила мысль о том, что все, что произошло сегодня днем, а также весь вчерашний день просто не могли быть правдой, и Сиэл, нерешительно протянув руку, коснулся прохладного металла высокой ограды. Молодой человек потянул калитку на себя, но она не подалась.

«Куст шиповника...» — словно раздался знакомый голос в легком порыве ветра.

Весь усыпанный белыми душистыми цветами, шиповник словно выжидающе поглядывал на Эдварда. Сиэл наклонился, опустил на дорогу чемодан, пролез рукой сквозь переплетенные густые ветви куста и возле корневища нащупал небольшой ключ, идеально подошедший к замку ворот. Калитка скрипнула и добродушно, как и много раз в прежние времена, пропустила его на территорию особняка.